

Э. КАЛЬВЕ

МОЯ ЖИЗНЬ

Издание второе, стереотипное

• САНКТ-ПЕТЕРБУРГ •
• МОСКВА •
• КРАСНОДАР •

- К 17** **Кальве Э.** *Моя жизнь. Я пела под всеми небесами / Э. Кальве ; перевод с английского Н. А. Александровой, перевод с французского О. В. Михнюк. — 2-е изд., стер. — Санкт-Петербург : Лань : ПЛАНЕТА МУЗЫКИ, 2020. — 183 с. ; 209 с. (аллигат) : ил. — (Учебники для вузов. Специальная литература). — Текст : непосредственный.*

ISBN 978-5-8114-5067-1 (Изд-во «Лань»)

ISBN 978-5-4495-0486-9 (Изд-во «ПЛАНЕТА МУЗЫКИ»)

Эмма Кальве (1858–1942) — французская оперная певица, сопрано, одна из самых ярких примадонн своего времени. Артистка оставила после себя две книги воспоминаний: «Моя жизнь» (1922) и «Я пела под всеми небесами» (1940). Впервые переведенные на русский язык обе книги мемуаров, своеобразно дополняющие друг друга, объединены в настоящем издании.

В своих мемуарах певица увлекательно рассказывает о своем долгом сценическом пути, своей работе над ролями, о спектаклях, гастролях, встречах с выдающимися музыкантами, композиторами, артистами, писателями, — давая яркую картину жизни оперного театра в Европе и США в конце XIX — начале XX в.

Книга будет интересна музыковедам, певцам и широкому кругу любителей музыкального театра, оперного искусства.

УДК 792
ББК 85.335.41

- К 17** **Calvé E.** *My Life. Sous tous les ciels, j'ai chanté / E. Calvé ; translated from English by N. A. Alexandrova, translated from French by O. V. Mikhnyuk. — 2nd edition, ster. — Saint-Petersburg : Lan : THE PLANET OF MUSIC, 2020. — 183 pages ; 209 pages (alligate) : ill. — (University textbooks. Books on specialized subjects). — Text : direct.*

Emma Calvé (1858–1942) was a French opera singer, soprano, one of the brightest prima donnas of her time. The actress left behind two books of memories: “My life” (1922) and “I sang under all the skies” (1940). For the first time translated into Russian, both books of memoirs, in a peculiar way complementary to each other, are combined in this edition. In her memoirs, the singer is in a fascinating way telling about her long stage career, her work on roles, about performances, tours, meetings with outstanding musicians, composers, artists, writers — giving a vivid picture of the opera life in Europe and the USA in the late 19th — early 20th cent.

The book will be interesting to musicologists, singers and a wide range of music theater and opera lovers.

© Издательство «ПЛАНЕТА МУЗЫКИ», 2020

© Н. А. Александрова (перевод), О. В. Михнюк (перевод), 2020

© Издательство «ПЛАНЕТА МУЗЫКИ»,
художественное оформление, 2020

Обложка
А. Ю. ЛАПШИН

ПРЕДИСЛОВИЕ ИЗДАТЕЛЬСТВА

С лава французской оперной певицы Эммы Кальве была огромной. Но многие ли любители оперы в наши дни знают это имя?

Артисты, даже самые великие, принадлежат своей эпохе. Искусство музыкантов, певцов, танцовщиков, драматических актеров живет лишь на сцене. После их ухода остаются легенды и воспоминания.

Эмма Кальве, будучи талантливой рассказчицей, позаботилась о том, чтобы оставить после себя целых две книги мемуаров довольно внушительного объема. Как и полагается, в мемуарах певица повествует о своей жизни, пройденном творческом пути... И делает это невероятно легко и увлекательно, с истинно французским шармом. Буквально — ни одной скучной строчки. Повествование изобилует интересными историями, происходившими с ней на сцене и в жизни, и воспоминаниями о встречах с выдающимися людьми. А среди них были Королева Виктория и Оскар Уайльд, Ференц Лист и Жюль Массне, Элеонора Дузе и Энрико Карузо...

Но не будем пересказывать то, что блестяще делает сама мемуаристка, ограничимся лишь некоторыми сведениями из ее биографии.

Роза Эмма Кальве родилась 15 августа 1858 года в маленьком городке Деказвиль на юге Франции, в семье инженера. Окончив монастырский пансион, в возрасте шестнадцати лет, когда у нее обнаружился красивый голос, в сопровождении матери отправилась в Париж — учиться

пению. Эмма пыталась поступить в Парижскую консерваторию, но не получилось. Однако это отнюдь не обескуражило девушку, — она стала учиться у Жюля Пюже, певца и вокального педагога. Позже брала уроки у Матильды Маркези, а также у Мануэля Гарсиа.

Оперный дебют Кальве состоялся 23 сентября 1881 года в роли Маргариты в опере Гуно «Фауст» в Брюссельском театре Ла Монне; в Париже она выступает на сцене Итальянского театра и Комической оперы. А вот дебют в Миланской Ла Скала в 1882 году оказался преждевременным: певица потерпела неудачу. И вернулась в Париж совершенствоваться в вокальном искусстве, на этот раз у Розины Лаборд. Спустя некоторое время в Риме училась у певца-кастрата Доменико Мустафа, что позволило ей расширить верхнюю границу диапазона на половину октавы.

Большой диапазон позволял певице братья за партии лирического и драматического сопрано. В 1890 году она вернулась в Милан, и на этот раз певицу — в роли Офелии в опере А. Тома «Гамлет» — ожидал большой успех.

В ближайшие годы карьера певицы шла неуклонно вверх: роли Сантуццы в «Сельской чести» Максаньи и особенно Кармен оперы Бизе стали ее огромной удачей. Кальве была популярнейшей Кармен своего времени! Красавица, пышущая здоровьем и полная сил, влюбленная в жизнь... У певицы и ее героини было немало общего. Хотя, как ни странно, сама Кальве образ Кармен не относила к числу своих любимых.

Следует приглашение петь в лондонский Ковент-Гарден, затем в Метрополитен-опера в Нью-Йорке, где она оставалась в течение многих лет.

В 1895–1896 годах Кальве становится первой исполнительницей главных партий в операх Массне «Наваррка» и «Сафо»; приезжает на гастроли в Санкт-Петербург. Следующие два десятилетия певица чрезвычайно востребована, она поет в Метрополитен-Опера и совершает многочисленные концертные турне по Америке, странам Европы. В 1910–1912 годах Кальве совершает кругосветное путе-

шестве. В годы Первой мировой войны дает много благотворительных концертов в пользу раненых. В 1919 году в последний раз выходит на сцену парижского театра Комическая опера.

Также певица записывалась для фирм грамзаписи «Виктор» и «Пате».

Книга мемуаров «Моя жизнь» вышла в 1922 году в Нью-Йорке и Лондоне. Книга вышла на английском языке; по всей видимости, инициатором издания выступило издательство (“D. Appleton and Company”). Хотя карьера певицы была почти завершена, но артистка все еще оставалась одной из известнейших примадонн, и интерес публики к ней был велик. Хотя Кальве и владела английским, все же она предпочла написать воспоминания на французском, а перевод на английский был выполнен Розамонд Гилдер. Английское издание книги «Моя жизнь» стало единственным.

В 1925 году, после последних гастролей по США певица оставила сцену и поселилась на своей родине — юге Франции, в средневековом замке Кабриер, купленном ею еще в конце XIX века.

В конце жизни, спустя почти двадцать лет после выхода в свет книги «Моя жизнь», Кальве вновь взялась за перо. Что ее побудило к этому? Должно быть, прежде всего желание поделиться своими воспоминаниями с соотечественниками. Несмотря на то что артистка долгое время жила в Америке и много путешествовала с гастрольями по всему миру, она всегда оставалась истинной француженкой, горячей патриоткой.

«Французские» мемуары написаны на основе дневниковых записей. Их тон — более спокойный, неторопливый и доверительный, особенно в сравнении с главами «Моей жизни», порой напоминающими эпизоды киносценария, настолько эффектно и выразительно здесь описания.

Во многом события, описанные в первой и второй книгах, перекликаются, однако есть во французских воспоминаниях и немало новых интересных историй, деталей, подробностей, да и просто нового взгляда на те же события.

Воспоминания получили название «Я пела под всеми небесами» и были опубликованы парижским издательством “Librairie Plon” в 1940 году.

6 января 1942 года в возрасте 83 лет Эммы Кальве не стало. Так случилось, что время ее жизни поровну разделилось между двумя столетиями: девятнадцатым и двадцатым...

Российский читатель впервые познакомится с мемуарами Эммы Кальве. Две книги воспоминаний удачно дополняют друг друга, поэтому наше издание выполнено в оригинальной форме. Мы уверены, что чтение доставит любителям оперного искусства немало приятных минут, музыковеды непременно узнают что-то новое, а певцы получат истинное наслаждение от рассказов прославленной коллеги о театре, спектаклях, артистах ее времени.

Наталья Александрова

«Sweetness and strength,
high tragedy and mirth,
And but one Calvé on the
singing earth».¹

Richard Watson Gilder

ПРЕДИСЛОВИЕ

Это было во Франции много лет тому назад.

Жаркое полуденное солнце наполняло все вокруг своим блестящим, ослепительным светом, а воздух дрожал от зноя. Вместе с группой девочек — моими подругами по монастырскому пансиону, — я шла по дороге мимо замка, расположившегося на самой вершине скалистой горы. Замок, к которому мы приближались, был единственным в нашей сельской местности, — он стоял гордо, величаво и уединенно. Нам он казался очень красивым. Мы подолгу стояли, с трепетом и восхищением глядя на его башни и башенки, темными силуэтами выделявшиеся на фоне пылающего неба. А в тот день мне казалось, будто я вижу его впервые.

— Кто знает, — повернулась я к одной из своих подружек, — быть может, в один прекрасный день этот замок будет моим!

Подружки посмотрели на меня с изумлением и громко рассмеялись.

— Что за чушь! — воскликнули они. — Как он может стать твоим? Не будь глупышкой! Он даже не продается! Но даже если бы продавался, каким образом ты, бедная девчонка, смогла бы купить этот великолепный замок?

Я посмеялась вместе со всеми над этой абсурдной мыслью, и мы пошли дальше, беспечные, находясь в счастливом неведении относительно нашего будущего.

¹ «Нежность и сила, высокая трагедия и веселье, И только одна Кальве на поющей земле» (Ричард Уотсон Гилдер).

А ведь оказалось, что в ту минуту предвидения я не ошиблась. В этом замке под названием Кабриер¹ я сейчас и живу. Мечта исполнилась, хотя путь к ней был долгим и трудным: много лет напряженной работы — годы, наполненные печалью и страданиями, трудностями и отчаянием. Иногда случались счастливые периоды — вокруг пели птицы, и радость наполняла мое сердце. Иногда дорога проходила через ослепительные ворота успеха, триумфа, достижений. Но конечная цель еще не достигнута. Хотя мое детское пророчество исполнилось и Кабриер теперь принадлежит мне, я всё же нахожу, что тому, кто ступил на нелегкий артистический путь, часто отдыхать не приходится. Каждый год приносит новые интересы и возможности, новое стремление к недостижимому идеалу.

Однажды я подумала о том, что, возможно, мне стоит написать о самых интересных событиях, происходивших со мной на этом пути, вспомнить о разных случаях — печальных и веселых, смешных и пафосных, — которые освещали светом и бросали тени на путь моей жизни. Я обладаю живой «фотографической» памятью, и я обнаружила, что едва успеваю записывать на бумаге те яркие картины, что встают в моей памяти.

Не успев оглянуться, я уже написала эту книгу. У меня не было намерений написать учебник жизни, и я не претендую на высокий литературный стиль. Это просто история моей артистической карьеры. Я отдаю ее на суд читателей с тем чувством волнения, которое испытывает молодая певица, впервые выходя на сцену в лучах софитов.

Мое вступление окончено. Занавес поднимается. Но ведь я не новичок на сцене! Среди публики я вижу много знакомых лиц, и, прежде чем начну свое повествование, могу сказать так: «Приветствую вас, мои друзья и товарищи!»

¹ “Cabrières” (фр.).

ГЛАВА I

ДЕТСТВО

Я родилась в департаменте Авейрон на юге Франции, где находится горы Севенны — дикая, скалистая возвышенность. Мои предки жили здесь на протяжении многих поколений. Место это суровое и пустынное. Его известняковые скалы, глубокие долины и таинственные гроты полны романтического очарования. На юге возвышенные горы поднимают свои вершины прямо к небесам, — увенчанные блестящими диадемами из камней, словно принцессы.

Эту часть Франции не очень хорошо знают за ее пределами. Только с недавнего времени, когда Тарнское ущелье открыли для посетителей, наш авейронский уголок стали посещать путешественники. А мне это место всегда казалось прекрасным. Я люблю его безлюдные просторы, необычные цвета камней, горы и долины. Это место обладает необъяснимым очарованием и меланхолией и чем-то напоминает пустыню, — про себя я называю его «L’Aveyron Pétré»¹, мне на ум приходит «каменная Аравия».

Эта местность когда-то была прибежищем племен рутенов, побежденных римскими легионерами по мере их продвижения на север через Древнюю Галлию. Римляне строили свои дороги вдоль высоких плато, — по этим нерушимым, вечным дорогам можно пройти и сегодня. Один мой ученый друг сказал мне, что Цезарь в своих «Записках» описывает это племя рутенов как «неукротимый народ, живущий, подобно волкам, в непроходимых лесах».

¹ «Каменный Авейрон» (фр.).

Увы! Леса исчезли, однако мы, уроженцы этой местности, остаемся неукротимыми, верными нашим традициям, глубоко религиозными, страстно привязанными к своей земле. Что до меня, я отсюда никогда не уеду! Мои корни — в прошлом, я — часть этой земли, этих скалистых гор, этого пылающего южного неба. Куда бы я ни отправилась, в другом месте я чувствую себя изгнанницей. Я всегда должна возвращаться на этот маленький клочок земли, на свою «малую родину» у подножья гор, — если, конечно, хочу чувствовать себя хорошо, удерживать свое счастье, сохранять кураж и голос!

На протяжении веков мои предки жили в старом фамильном доме, или, как его называют, Усталь¹ в местечке Ла Бастид, где я провела вторую часть своего детства. Этой землей владели и возделывали ее суровые и стойкие люди. Их мало волновали деньги, — они предпочитали сохранять независимость и гордились тем, что передают свои владения от отца к сыну.

Плато Ларзак, где они жили, — одно из самых красивых в Севеннах. Начиная со времен римских легионеров это место было свидетелем многих битв — религиозных войн, нападений англичан. В одно время оно было населено рыцарями-тамплиерами, скрывавшимися здесь от преследований Филиппа Красивого. Они возвели для себя замки-крепости, и их присутствие в наших местах стало историей. До сих пор, если чей-нибудь ребенок проявляет недюжинный ум или характер либо необычайно красив, о нем говорят: «Он истинный сын тамплиеров!»

Мой отец, который был восьмым сыном в семье, нарушил традицию семейного клана и отважился начать новый вид деятельности. Он заинтересовался железной дорогой, строившейся в то время в Руэрге. Впоследствии компаньон пригласил его участвовать в предприятии, которое привело его в Испанию. Моя мать последовала за ним, взяв с собой и меня, трехмесячную малышку. Одно деловое предприятие следовало за другим, и в результате отец

¹ “Oustal” (фр.)

задержался там на несколько лет, пока мне не пошел седьмой год. Так что первым моим языком стал испанский.

Одно из самых ярких воспоминаний моего детства связано с одним происшествием, случившимся во время нашей жизни в Испании. Оно прекрасно иллюстрирует, — намного лучше, чем долгие описания, — смелость и энергичность, отличительные черты характера моей матери. Она была свобододлюбивой и бесстрашной женщиной, всегда имевшей собственное мнение и готовой его высказать! Хотя сердце ее было горячим и щедрым, но при этом натурой она была импульсивной и своенравной, и, нимало не колеблясь, делала то, что считала правильным.

В описываемое мной время Испания находилось в состоянии острых политических волнений. Дон Карлос, герцог Мадридский, последний из длинной очереди претендентов на испанский трон, вошел в страну с многочисленной армией, организовал и возглавил восстание против существующего правительства. В деревне, где мы жили, только и разговоров было, что о войне. Улочки наводняли солдаты карлистских и правительственных войск и представители *guardia civile*¹. В баскских провинциях волнения были особенно сильны, — здесь жители единодушно поддерживали Дона Карлоса, обещавшего их региону столь желанные привилегии. Не удивительно, что моя мать чувствовала солидарность с нашими соседями. Она живо интересовалась всем, что происходило вокруг; и даже я, хотя была очень мала, запомнила царившие в то время волнение и энтузиазм.

В тот день мы с матерью сидели в гостиной. Она занималась какими-то домашними делами, а я лежала на большой кровати, наслаждаясь послеполуденной сиестой. Кровать представляла собой настоящее ложе — огромная старомодная кровать, стоявшая в углу комнаты. Ее ширина почти равнялась длине, так что у меня было достаточно места, чтобы кататься и забавляться. Подразумевалось, что у меня тихий час и я должна спать, но на самом

¹ Гражданская гвардия (*исп.*).

деле я просто лежала и мечтала, глядя на солнечные лучи, проникавшие сквозь закрытые шторы.

Внезапно дверь резко распахнулась, в комнату ввалился мужчина и рухнул на пол. Я закричала в ужасе, а мама резко вскочила. Она мгновенно поняла всю ситуацию, бросилась к двери и закрыла ее на засов, — а потом повернулась к лежащему на полу мужчине. Он был ранен, но в сознании, и через секунду она помогла ему подняться на ноги.

— Спрячьте меня! Спрячьте меня! Ради Господа Бога! — воскликнул он, задыхаясь и сжимая раненую руку. — Они бегут за мной, а у меня больше нет сил бежать!

— Кто вы? — спросила моя мать. — Что случилось? Вижу, вы ранены. Что вы натворили?

— Дон Карлос! — вскричал человек. — Я карлист! На улице потасовка. — Он показал рукой на дорогу, ведущую в соседнюю деревню. — Остальные смогли уйти, а меня ранило в руку. Я потерял так много крови...

Бедный юноша, — он был еще очень молод, — повернулся к моей матери и в отчаянии схватил ее за руку:

— Спрячьте меня! Спрячьте! Я не могу идти дальше!

Пока он говорил, моя мать уже перевязывала ему руку полосками льна из своей корзины с рукоделием, а потом повернулась ко мне, сидящей на большой кровати, с широко распахнутыми от испуга глазами.

— Вставай, девчонка! — скомандовала она.

У меня до сих пор стоит перед глазами ее решительное лицо, и я слышу ее командующий голос. Прошло много лет, но сквозь дымку времени я прекрасно чувствую ту силу воли, с которой моя мать руководила ситуацией, контролировала ее.

— Вставай, девочка! — резко повторила мать, и прежде чем я встала на пол, она уже была у кровати.

Отбросив одеяла и перины, она освободила место между пружинным матрасом и постелью, где мог бы спрятаться беглец. Он подполз ближе к стене, распластался так, чтобы перины и одеяла не слишком давили на него и можно было дышать. После этого покрывало вернулось на свое место, и постель снова стала гладкой.

— А теперь, *mon enfant*¹, — сказала мать, обняв меня и глядя в глаза, — ты должна лечь и уснуть. Запомни, от тебя не должно быть слышно ни слова, ни звука!

— Да, мама. Да, — испуганно прошептала я в ответ. Всем своим существом я напряглась, чтобы постараться выполнить требование, которое увидела в глазах матери.

— Ни слова! — повторила она. — Ты ничего не видела. Поняла? Если кто-то зайдет сюда — ты ничего не видела!

Она едва успела положить меня с краю кровати, на мое прежнее место, и прикрыть меня одеялом, как мы услышали шаги на дороге у дома. С быстротой молнии мать метнулась к двери и открыла засов. Затем вернулась к работе, оставленной несколькими минутами ранее, и продолжила заниматься ею так, словно и не прерывалась.

Она успела как раз вовремя. Я лежала на кровати, слыша гулкий стук моего сердца, — как вдруг весь дом затрясся от грубого, непрекращающегося стука в дверь. Мать открыла дверь, и я увидела, как блеснули на солнце стальные штыки, и услышала позвякивание солдатского снаряжения. Я закрыла глаза и затаилась.

«Ты должна уснуть», — вспоминала я слова матери. Комнату наводнили солдаты, голос матери громко недоумевал и возражал, а я попыталась притвориться, что сплю. Лежа тихо, как мышка, я крепко закрыла глаза и замедлила дыхание.

Я услышала, как мужчины подошли к кровати. Мое сердце билось так сильно, что, казалось, сейчас взорвется. Затем я услышала голос матери — уверенный и спокойный.

— Разве вы не видите, что малышка спит! — сказала она солдатам. — Конечно же, никого здесь не было! Как вы смаете входить, нарушая покой невинных женщин и детей?

«Спать, спать...» — шептала я себе.

Мне казалось, что солдаты стояли возле кровати целую вечность. Затем, должно быть, они пошли поискать в гардеробной и буфетной, — я слышала хлопанье дверей и грубые голоса, спорившие между собой на испанском.

¹ Дитя мое (фр.).

Ничего удивительного, что этот эпизод произвел на мой ум глубокое и незабываемое впечатление. Конечно же, я не помню всех подробностей того, что произошло, ведь мне было всего четыре или пять лет. Но глубина переживаний, страх и волнения были столь яркими, что я до сих пор ощущаю их так живо, будто это произошло несколько недель назад. Впервые в жизни я познала новое чувство — чувство ужасающей ответственности, ведь моя мать дала мне понять, что ради нее и ради этого несчастного раненого юноши я должна лежать неподвижно и молчать. Из всех сил, имевшихся в моем распоряжении, я подчинилась ее приказу, и в эти несколько минут глубокого переживания я усвоила полезный урок самоконтроля.

Когда солдаты наконец ушли, напряжение спало. Кажется, я сильно расплакалась; и я помню, что в течение нескольких дней после этого эпизода, когда мать упоминала об этом случае, я всякий раз испытывала необъяснимо глубокую печаль и почти физически осязаемую боль.

Некоторое время мы жили в этой деревушке на севере Испании, и мои воспоминания о тех далеких днях представляют своего рода мозаику наших занятий и интересов. Лучшее всего я помню припекающее летнее солнце, раскаленные от зноя улицы, иссушенную солнцем площадь, где несколько чахлах кустов перца тщетно пытались выжить на солнцепеке. Разительный контраст знойным улицам представлял наш домик — прочный, с толстыми стенами — приют, где царила прохлада и полумрак.

А я была похожа на ящерицу — мне нравилось палящее солнце! Но мать не выпускала меня из дома в полуденную жару, отпуская гулять только тогда, когда жара немного спадала. Однако она разрешала мне сидеть на ступеньках крыльца и смотреть на мир с этого удобного наблюдательного пункта.

И каким интересным казался этот мир для моих детских глаз! На улице играли бродячие собаки; прихрамывая, мимо проходили нищие попрошайки; мальчик-пастух, гнавший стадо коз к колодцу, находившемуся в конце нашей улицы, приносил к дверям нашего домика дыхание

гор. Порой мимо спешил *кацик*, деревенский богач, занятый своими делами. Думаю, он был единственный в этом поселке, кто когда-либо куда-то спешил. Все остальные жители неспешно прогуливались или слонялись от дома к дому. Возможно, богатство пришло к нему как раз потому, что он умел быстро куда-то идти, — а может, наоборот, такая привычка появилась у него, потому что у него было много денег! В любом случае, это была самая важная фигура, которую мне доводилось видеть из своего укрытия, но при этом он интересовал меня не настолько сильно, как цыгане. Чарующее зрелище! Время от времени они появлялись в нашей деревне и казались самыми интересными существами в целом мире.

Когда они приходили в городок, чтобы продавать корзины на площади и предлагать деревенским хозяйкам свой ворованный товар в обмен на какие-нибудь вещи, я тихонько ускользала со своей жердочки на крыльце и тайком шла за ними. Их разноцветное тряпье, блестящие глаза, оживленные жесты, непонятный язык — все это увлекало меня.

Их чары были так сильны еще и потому, что это был запретный плод. Мать несколько раз предостерегала меня, чтобы я не водила никаких знакомств с *гитанами*.

— Они воруют девочек! — заверяла она.

Но я нисколько не боялась. Я даже подумывала о том, что это было бы забавно — если бы они меня украли!

Но больше всего у цыган мне нравились их песни и танцы. Меня буквально пронзал восторг при звуках их музыки, в которой бился пульс, ритм. Я могла слушать ее бесконечно, и однажды решила последовать за табором цыган к их лагерю.

Однажды я сидела и смотрела, как они собирают свои вещи, готовясь отправиться в обратный путь. Моя мать была дома и не заметила, как я улизнула со своей жердочки на крыльце и пошла за цыганами. Я плелась по дороге за ними следом, не обращая внимания на пыль и камни, думая лишь о том, чтобы не упустить моих друзей из виду. Хотя они шли неторопливо, все же их ноги были куда

длиннее, чем у меня, ребенка, и меня отделяло от них некоторое расстояние.

В конце концов один из них обернулся назад и увидел вдали маленькую фигурку. Они подождали, пока я догнала их, и спросили, откуда я. К этому времени уже наступил вечер; когда мы достигли лагеря, они решили сперва поужинать, а уже потом отвести меня домой. Я была в восторге оттого, что мне разрешили остаться, и тут же начала знакомиться с девочками и мальчиками.

Тем временем мать обнаружила мое отсутствие. Она поискала меня везде, спросила у соседей и организовала поиски. Она опросила всех в деревне — не видел ли меня кто-нибудь? Наконец, охваченная тревогой, она бросилась в ратушу и попросила о помощи. Вся полиция была поднята на ноги; и после бесконечных разговоров и доводов отряд жандармов отправился в лагерь цыган разузнать, не похитили ли меня.

Когда моя мать и несколько внушительных стражей порядка наконец нашли меня, они увидели, что я абсолютно счастлива! Как настоящая маленькая цыганочка, я пела и плясала посреди табора. Я с большой неохотой рассталась со своими новыми друзьями. Возможно, если бы не мать, я бы от них не ушла.

После этого приключения за мной стали следить внимательнее. Хотя я часто видела своих друзей-цыган на рыночной площади, больше я не пыталась пойти вслед за ними. Я наблюдала за ними с безопасного расстояния — со своего местечка на крыльце, — смотрела их танцы и слушала их песни, многие из которых я выучила наизусть.

Не поэтому ли, когда я стала играть Кармен, меня не нужно было учить танцам и жестам испанских цыганок? Не потому ли, что я провела свои детские годы в Испании, я интуитивно поняла, как правильно носить шаль, как ходить, двигаться, танцевать, — когда стала воплощать цыганку вне закона в знаменитой опере Бизе? Не знаю. Кто может сказать, какие воспоминания и ассоциации неосознанно хранятся внутри нас? Определенно, детские впечатления — это неперенная и важная часть жизни

взрослого человека. И мои детские знакомства с этими странными людьми, без сомнения, глубоко врезались в память.

Вскоре после этого случая, когда мне шел седьмой год, родители решили вернуться на родину. Я говорила лишь на испанском, и они с большим трудом смогли заставить меня выучить французский! Когда я наконец овладела новым языком, меня отправили учиться в конвент в Мийо, недалеко от дома семьи моего отца.

Религиозная, мистическая атмосфера, окружившая меня в конvente, произвела на меня глубокое впечатление. Я сделалась исключительно набожной; и когда прошла конфирмацию, то была полна решимости уйти в монастырь. По-видимому, такое временное «призвание», устремление к религиозной жизни — не редкость среди певиц и актрис. Я знаю двух весьма выдающихся артисток, имевших такой же опыт.

Свои каникулы я проводила в старом фамильном доме *Усталь*, где жила сестра моего отца. Здесь имелось всё, что могло пленить детское сердце. Моей площадкой для игр был весь старый дом, разбросанные фермерские постройки, коровники и овины, луга, пастбища и сады.

Садик моей тети — я словно вижу его перед глазами! Это был восхитительный райский уголок, где я провела счастливейшие часы своей юности, где лелеяла свои первые девические мечты! Сад был разбит за домом на террасах, как обычно устраивают сады в горной местности. Он был разделен каменными стенами, а выложенные плиткой ступени вели с одного уровня на другой. У каждой террасы было свое предназначение: на одной располагался огород овощей, на другой росли фруктовые деревья, на третьей — ягодные кусты.

А на самой высокой террасе находился сад цветов — мое излюбленное место, где я проводила время с огромным удовольствием. Здесь росли простые, неприхотливые цветы: сирень, ноготки, турецкая гвоздика, незабудки и чудесная ароматная желтофиоль, которую моя тетушка очень любила.

Я проводила на верхней террасе долгие часы, греясь на солнце, как ящерка, всем телом впитывая силу и свет солнечных лучей. Ни с того ни с сего я оставляла свои шумные игры и затихала, становилась задумчивой, и мной овладевало желание лежать на теплой земле и уноситься в своих мечтах далеко-далеко. Иногда я уходила в самый дальний угол сада, где стояли ульи. Я стояла тихо, неподвижно — как меня научили — и смотрела, как пчелы занимаются своим удивительным делом.

Я и сейчас, закрыв глаза, ясно вижу картину этого мирного садика в вечерний час, когда заходит солнце. Тетушка вяжет свой нескончаемый чулок. Ее верная служанка Маргарита держит прялку — ее пальцы работают ловко, проворно, а за работой она поет народные песни. (Теперь те же самые песни я пою под другим солнцем — под светом рампы.) И только я ничего не делаю и, как загипнотизированная, смотрю на кружение пчел, которые вечерами собираются в темное облачко перед ульем и жужжат в унисон, как будто поют вечерний гимн.

— Они желают солнцу спокойной ночи, — всякий раз говорит Маргарита.

Тетушка кивает в знак согласия, а я, распахивая глаза шире, гляжу на пчел с интересом и изумлением.

И вдруг зазвонил колокол, зовя к вечерней молитве. Тетушка прочитала вслух свою вечернюю молитву, которой я неуверенно вторила, — как ни странно, правильно. Мы посмотрели минутку на заходящее солнце, потом повернулись и пошли в дом — ужинать.

Служанка моей тетушки Маргарита была круглой сиротой и поступила в дом Кальве по своему желанию, еще совсем юной девушкой. Такова была традиция в наших краях — старая, уважаемая традиция: девочки, воспитанные в сиротском приюте или на благотворительные средства церкви, часто выбирали себе дом таким способом. Они шли служанками в те семьи, в которых хотели служить, и гордились своей участью помощницы по дому. От жалованья они отказывались, работая с охотой и радостью в обмен за хорошую еду и комфортное жилье, — им ведь

предоставлялась крыша над головой. Отношение к ним было как к членам семьи. Такая женщина была уже не просто прислугой — она становилась оплотом дома, практически домохозяйкой.

Маргарита как раз была одной из таких преданных женщин и мастерицей на все руки. Она была неутомима: вставала на заре, ложилась последней в доме, — усердная, трудолюбивая, верная, добрая. Бесконечно добрая!

Меня она обожала и баловала. Потом я узнала, что в юности она была безответно влюблена в моего отца — когда она пришла в их дом, он был еще юношей. Бедная влюбленная девочка страдала молчаливо и безропотно. Она обратила свою любовь с него на всю семью и в конце концов — на меня. Обо мне она заботилась с особой, огромной любовью, и частенько была ко мне слишком снисходительна, потакая моим прихотям.

Она давала мне все, что мне хотелось, — лучшие фрукты из сада, самые вкусные варенья и желе, приготовленные ею. Никогда не забуду, как однажды она дала мне съесть целую корзину вишен. Они были сказочно вкусные — первые вишни тем летом, настоящее сокровище! Но после мне едва не стало совсем плохо!

С моей тетушкой она жила долгие годы — и после того, как я выросла. Она и умерла на своем посту — очень старой, но все такой же активной и энергичной, какой была всегда. В свой последний день она встала утром, как обычно, и занялась делами по хозяйству. И вдруг, прямо среди своих хлопот по дому, она рухнула навзничь. Тетушка бросилась к ней — но было уже поздно. Она умерла мгновенно, без единой жалобы, работая до последней минуты — именно так, как хотела. Моя бедная тетушка пережила ее ненадолго. Она последовала за своей верной служанкой Маргаритой в могилу всего лишь через несколько месяцев. Все это произошло, конечно же, много лет спустя. В дни моего детства две эти женщины были в расцвете своих лет и во время моих каникул окружали меня всеми удовольствиями, которые только мог пожелать ребенок.

По ночам большой холл дома Усталь обладал для меня такими же чарами, как сад — днем. Он был огромен и как будто подернут дымкой и хранил всевозможные легенды и мечты. Каждый вечер хозяева и слуги собирались здесь для молитвы. Долгими вечерами женщины сидели здесь и пряли у камина, при мерцающем свете огня. Старый пастух Блез потчевал нас историями о привидениях — одна страшнее другой. Женщины крестились, а я дрожала от страха и в конце концов шла спать, думая о гоблинах, гномах и оборотнях. Эти сказки утоляли мою жажду чудес. На самом деле, я испытывала удовольствие, чувствуя страх.

А по возвращении в конвент наступала моя очередь рассказывать страшные истории, заставляя товарок дрожать от страха. Я пересказывала им слышанные рассказы, добавляя кое-что от себя и приукрашивая. В конце концов я стала исполнять их нараспев, в миноре, в причудливых гармониях, импровизируя на ходу, — это было похоже на мелодичное песнопение. И оно весьма усиливало впечатление от моих рассказов!..

ГЛАВА II

ГОДЫ УЧЕНИЯ

Я закончила учебу в конvente, когда мне было пятнадцать лет. Мой отец в это время был в Италии, а я с матерью и двумя братьями осталась жить в том маленьком городке, где я и училась. Наши друзья и соседи, недолго думая, решили, что мне суждено стать великой артисткой. Они только и говорили об этом и постоянно просили меня участвовать во всех праздниках и церемониях, проходивших в нашей деревне. Этот всеобщий интерес и внимание производили впечатление на мою мать. Малопомалу она привыкла к мысли, что я подамся на сцену.

Как-то раз она сказала мне: «Все мне говорят, что тебя ждет блестящее будущее! Если тебя ждет успех, то мы сможем дать твоим братьям лучшее образование. Стоит попробовать! Бог милосердный поможет нам!»

Ей посоветовали отвезти меня в Париж, поскольку только там я могла учиться пению. В те дни это было грандиозное путешествие! Но от усталости и убаюканная покачиванием экипажа, я уснула.

И вдруг я почувствовала, как мою талию обнимает чья-то рука. Мой старинный дружок начал проявлять ко мне слишком большое внимание! Резко дернувшись, я высвободилась из его объятий, мгновенно залепив ему пощечину. Она получилась такой звонкой, что все пассажиры в экипаже сразу же поняли, что случилось. Кучер остановил лошадей; все вскочили и стали бурно обсуждать происшествие. Приятный молодой человек, сидевший в глубине экипажа, предложил мне занять место возле его родителей. Остаток путешествия, пока я не встретилась со своей матерью в Клермоне, обо мне заботились эти добрые

люди. Какой это был долгий путь в то время — от Ла Бастид до Парижа! Мы проезжали через Клермон-Ферран и Мулен. Сегодня такое путешествие занимает несколько часов, а в то время на него уходило много дней. Путь был неблизким, и мы останавливались каждые два-три часа, чтобы поменять лошадей.

Для усталых путешественников, делавших остановки на пути, раскрывали свои двери гостеприимные таверны. Какие благородные пиры готовились на кухнях этих придорожных закусочных! Курицы и утки поворачивались на вертеле в горячем огне, дразня аппетит. На полтора франка можно было поесть, как король, отведав лучших блюд мира! О былые времена! *Où sont les neiges d'antan?*¹

Устроившись в Париже, мы столкнулись с задачей поиска педагога. Моя мать, с присущим ей куражом и энергией, прямоком отправилась к самым лучшим учителям вокала того времени и сделала им следующее предложение: «Устройте моей дочери прослушивание. Есть ли у нее талант, решать вам. Я небогата, но вы можете полностью мне доверять. Как только у нее будут успехи, я заплачу!» Ей очень повезло: она нашла известного вокального педагога, согласившегося на такие условия. Это был Жюль Пюже, в прошлом оперный певец, тенор. Уроки, которые он мне давал, были превосходны. Он научил меня принципам итальянского *bel canto* — школы, которой он доконально владел. Это был талантливый артист, и за свою долгую карьеру он создал ряд весомых ролей.

После того, как я проучилась у него три года, он дал мне совет обеспечить себе ангажементы в концертах, чтобы мало-помалу привыкнуть к выступлениям перед публикой. Таким образом, мое первое выступление состоялось в концерте на сцене маленького зала «Театр-де-ля-Тур» в Оверни. Этого театра уже давно нет, но в то время он был любимым местом дебюта молодых певцов. За свое пение я получила пятьдесят франков. С какой гордостью и торжеством отдала я свое вознаграждение матери!

¹ Где вчерашний снег? (фр.)

Как и всех певцов, меня часто спрашивают, в каком возрасте я начала петь. Мне кажется, я пела всегда! Даже совсем маленькой девочкой я целыми днями мычала что-то себе под нос, подражая всему, что слышала вокруг. Моя мать имела от природы очень красивый голос. Хотя она и не училась музыке, но прелестно пела старые французские песни, народные песни на наречиях семнадцатого, восемнадцатого, девятнадцатого веков и пастушьи песни нашей области Авейрон. У нее был огромный репертуар. Как-то раз мы попробовали сосчитать и классифицировать песни, которые мы знаем. Оказалось, что их около двухсот!

В Париже мы с матерью и братьями жили очень скромно, занимая маленькую квартирку на Монмартре. Каждое утро я уходила из дома в восьмом часу и шла через полгорода на свои уроки — в любую погоду, в дождь и снег, в промокающих башмаках... Я быстро росла и была очень худощавой.

Мы жили по соседству с рынком, который содержали дородный мясник и его жена. Им очень нравилось слушать мое пение, — в жаркие летние дни я занималась, открыв окно.

Как-то раз моя мать зашла к ним в лавку сделать покупки.

— У вашей дочери восхитительный голос! — сказал мясник, нарезая товар. — Мы с женой думаем, что она чудо!

— Спасибо на добром слове, вы очень любезны, — ответила мама. — Она занимается очень прилежно, и, я надеюсь, когда-нибудь...

— Да, она отличная певица, — перебил мясник. — Только слишком худая! Очень уж худая! Ей нужно есть больше бифштексов и котлет.

От неожиданности моя мать слегка растерялась — такой способ продавать больше товара показался ей слишком уж назойливым. Однако удивительный продавец продолжал:

— Смотрите, что я хочу сделать. Чтобы доказать вам, насколько сильно я верю в будущее вашей дочери, я буду

отпускать вам продукты в кредит. Можете заплатить, когда ваша дочь поступит в театр!

Я не забыла этих добрых людей. Когда я пела в «Комической опере», мы всегда посылали билеты этому музыкальному мяснику и его супруге. Не сомневаюсь, что он приходил на спектакль и делился со всеми вокруг:

— Видите эту чудесную певицу? Это благодаря мне она в такой прекрасной форме!

ГЛАВА III

ДЕБЮТЫ В БРЮССЕЛЕ И ПАРИЖЕ

После моего первого выступления в Париже я отправилась в поездку по Франции, давая ряд концертов вместе с филармоническими обществами. Эти первые успехи вселили в меня уверенность, и я вернулась в Париж, полная решимости продолжать свою карьеру певицы. Наши средства быстро таяли. Мне не было еще и двадцати, но это обстоятельство подтолкнуло меня к тому, чтобы скорее устроить дебют. К счастью, мне представилась возможность попасть на прослушивание к директору Театра-де-ля-Монне в Брюсселе. Он внимательно меня послушал и, по-видимому, был приятно впечатлен.

— Могли бы вы через две недели спеть Маргариту в «Фаусте»? — спросил он.

— Да, — ответила я, не колеблясь ни секунды. А на самом деле из «Фауста» я знала только балладу Короля Тюле, а больше ни одной ноты! Но я не могла упустить такую возможность. Я подписала контракт и немедленно начала учить свою партию.

В течение первого года в Брюсселе я зарабатывала огромные деньги — семьсот франков в месяц. Какая удача! Вряд ли я бы тогда поверила, если бы мне сказали, что когда-то я буду получать десять тысяч франков за один вечер!

После того как мой первый оперный сезон подошел к концу, я отправилась домой отдохнуть. Мне не терпелось рассказать новости о моей удаче всем родственникам и друзьям в городке, где я выросла.

— Что? Ты поешь в театре? — воскликнула тетушка, когда я поведала ей о своем ангажементе в Брюсселе. —

Бедное дитя! Тебя ожидает вечная кара! Кто бы мог подумать, что такое случится? Девочка из нашей семьи стала актрисой — одной из тех женщин, кого в прежние времена даже не хоронили в освященной земле! Мне сам кюре об этом рассказал! Ужасно, ужасно... Я буду за тебя молиться! — восклицала она со слезами, раскачиваясь в своем кресле-качалке.

Когда я нанесла визит в конвент, где училась, то встретила похожий прием. Когда я там появилась, шла церковная служба, и я поднялась на хоры и спела во время мессы «Аве Мария» Гуно. Я была горда и счастлива показать своим учителям, как многого я достигла! После меня приняла мать-настоятельница, она была ласкова со мной, но печальна.

— Как жаль, дорогое мое дитя! — сказала она. — Какая несчастная участь постигла ту, которая когда-то желала стать монахиней. Когда-то ты возглавляла общество «Дети Марии», а сейчас... подалась на сцену. Как печально! А ведь месье Левек предвидел это! Он еще давно говорил, что ты прирожденная артистка. Мы будем молиться за тебя! — сказала она напоследок те же слова, что и моя тетушка.

Но самое забавное произошло в тот день, когда я приехала в деревушку, откуда родом моя семья. Мэр приказал позвонить в набат и созвать всех крестьян, работавших на полях. Они прибежали отовсюду — прямо так, как застал их набат, — с вилами, граблями, косами в руках, ожидая, что ратуша как минимум охвачена пожаром! А мэр выглянул из окна и обратился к толпе, собравшейся на площади.

— Я собрал вас здесь, — громко провозгласил он, — чтобы вы послушали маленького соловья, уроженку нашей земли. Она сплет для вас прямо из этого окна. Послушайте хорошенько, и я уверен, вы тепло поприветствуете нашу прославленную землячку мадемуазель Эмму!

Стоя у раскрытого окна, я устремила взгляд на красивейшие горные вершины и со всем пылом своего сердца пела песни — веселые и печальные — все, которые знала.

Я старалась изо всех сил, желая спеть наилучшим образом для этих мужчин и женщин, знавших меня с рождения.

Наконец я закончила выступление. Ответом моим стараниям была мертвая тишина. Пораженная и немного уязвленная, я спустилась вниз к моим слушателям и нашла своего старого приятеля, пастуха.

— Блез! В чем дело? Почему вы не хлопаете мне? Неужели я так плохо пела?

Старик с трудом мог скрыть свои эмоции.

— Бедное дитя! Бедная девочка! — бормотал он, и его душили слезы. — Как же громко ты кричишь! Тебе наверняка больно! Тратишь свою жизнь попусту... Бросаешь ее на ветер... Напрасная трата сил! Ужасно!

Вот так! Новости, наполнявшие меня и мою мать радостью и гордостью, другие люди восприняли совершенно иначе. Все были расстроены — даже мой кузен Канон, который с тех пор стал молиться о спасении моей души каждое утро, и молился так двадцать лет подряд!

Несмотря на этот обескураживающий прием на родине, я продлила свой ангажемент в Брюсселе. Мой педагог Пюже, дабы вселить в меня уверенность, заверил, что мое исполнение превосходно. А в молодые годы мы ведь доверчивы! Вскоре, однако, я обнаружила, что мне предстоит еще многому научиться, и когда пришло время следующих летних каникул, я вернулась в Париж, чтобы заниматься. Мне пришлось искать нового учителя, потому что мой старый дорогой маэстро умер во время моего отсутствия. Таким образом, я отправилась к госпоже Маркези, у которой затем училась около полугода.

В то время когда я была ее ученицей, мне повезло видеть и слышать вблизи прелестную Краусс. Я питала огромное восхищение к этой великой актрисе, способной и на лирические, и на трагедийные роли. Ее голос не был исключительно красив, порой в нем была заметно слышна тремоляция. И внешность ее, по обычным меркам, нельзя было назвать привлекательной, она была даже некрасива, однако когда она пела, то преображалась до неузнаваемости. Она становилась красивой, одухотворенной! Ей

удавалось глубоко тронуть даже публику, приходившую в Гранд-Опера — публику, состоящую из дилетантов, которым весьма трудно угодить или их растрогать. Мне довелось ее слышать в опере Гуно «Сафо», затем в его же опере «Дань Саморы», и в опере Сен-Санса «Генри VIII» — это были самые известные ее работы.

На премьере «Дани» она превзошла сама себя. В сцене боя ее героиня, горячая патриотка, смертельно раненная, пела боевой гимн в окружении солдат. Пройдя на коленях через всю сцену, она дошла до рамп. Сделав последнее усилие, она поднялась на ноги и запела “*Debout, enfants de l’Iberie*”¹.

Я вместе со своими спутниками сидела в первом ряду, прямо перед оркестром. Это был как удар меча — физически ощутимая волна. Мы закричали и вскочили на ноги. И весь зал поднялся — наэлектризованный, захваченный этим вихрем и готовый ринуться вперед, отвечая на вдохновенный призыв.

Как-то раз, примерно в этот период времени, Краусс пела в доме госпожи Маркези. Здесь же присутствовал Лист. Он сидел молча и неподвижно, пока все мы отпускали восторженные реплики. У меня было ощущение, что он не ценит моего кумира, и я почти что негодовала на него за его равнодушие.

В ходе вечера госпожа Маркези спросила его, не согласится ли он аккомпанировать госпоже Краусс, собиравшейся спеть «Лесного царя».

— Я не хочу, — резко ответил он. — Она слишком некрасива, и у нее дрожит голос.

Хозяйка тем не менее мягко настояла на своем.

— Ну хорошо, — нехотя уступил он. — Но предупреждаю вас, что если ее пение мне не понравится, я остановлюсь прямо посередине и уйду.

— Я ничуть не беспокоюсь, — ответила госпожа Маркези.

¹ Вставайте, дети Иберии (фр.).

Лист с видимой неохотой поднялся и пошел к роялю. Я вижу его сидящим за роялем так, будто это было вчера. Он отбросил назад свою львиную гриву, опустил свои мощные пальцы на звучную клавиатуру, и полилось восхитительное начало шубертовской песни. Со своей невероятной силой он один являл такую же мощь, как целый оркестр.

Госпожа Краусс, слышавшая нелестные высказывания великого человека в свой адрес, поднялась со своего места — бледная, но полная решимости. Она пристально взглянула в лицо маэстро и начала петь. Почти в ту же секунду он поднял голову и взглянул на нее в ответ — внимательно и удивленно. Его взгляд встретился со взглядом трагедийной актрисы, и он уже не сводил с нее глаз.

Их души встретились и слились воедино — с огромной, напряженной, всепроникающей силой. Сила духа обоих артистов в их трагическом экстазе увлекла нас за собой. Это было огромное, непередаваемое впечатление! Постепенно Лист приподнимался и к концу песни встал. Когда последние ноты затихли, он раскрыл свои объятия вдохновенной певице.

— Прости меня, сестра моя, дитя мое! — воскликнул он, и голос его срывался от волнения.

У Краусс, совершенно опустошенной после огромного напряжения, хватило сил только на то, чтобы пробормотать: «Спасибо» и опуститься в кресло.

Более двадцати лет спустя одна газета задала ведущим музыкантам современности вопрос, какое музыкальное впечатление было самым глубоким в их жизни. Те, кто присутствовал на том незабываемом вечере, все без исключения ответили: «Тот день, когда у госпожи Маркези Лист аккомпанировал пению госпожи Краусс, исполнявшей “Лесного царя”».

Я сама находилась под столь глубоким впечатлением, что с тех пор никогда не отваживалась петь эту восхитительную балладу, чувствуя, что я не способна достичь в исполнении тех же потрясающих высот.

Вскоре после этого случая, пока я еще брала уроки у госпожи Маркези, Виктор Морель пригласил меня на

главную роль на премьере оперы Теодора Дюбуа «Абен-Хамет». Эта роль была одним из его самых замечательных творений. Когда я ее готовила, композитор помогал мне, давая ценные советы. Я всегда была ему глубоко благодарна за уроки речитатива, музыкальной декламации, которые он мне преподал и которые в значительной степени повлияли на мою артистическую карьеру.

После нескольких месяцев выступлений в Итальянском театре директор Комической оперы Карвальо пригласил меня на главную роль в опере Викторена де Жонсьера «Кавалер Жан». В ней я имела значительный успех — благодаря своей молодости, голосу и великолепным, пышным костюмам, созданным для моей роли, — и необычным для того времени.

В опере Моцарта «Свадьба Фигаро» я пела Керубини вместе с госпожой Карвальо, женой директора. Ее долгая и успешная карьера в это время уже подходила к концу, но она согласилась спеть с нами, чтобы передать секреты своего исключительного мастерства. Я была близко знакома с ней и очень ее любила. Именно она была первой исполнительницей ведущих ролей в лучших операх Гуно. Певица с великолепной вокальной школой и превосходной дикцией, она воплощала искусство французской оперы в период ее расцвета — и строгость французской оперы, и ее шарм. Она была кумиром своего поколения.

В Комической опере я оставалась два года. Но, несмотря на голос и актерские способности, успех мой не был ошеломительным. Я чувствовала, что смогу достичь гораздо большего, сменив обстановку. Я очень хотела отправиться в Италию, предвидя, что там, под солнечными небесами, и соприкасаясь с новым миром искусства, я смогу наилучшим образом развить и раскрыть свой талант.

Мое желание исполнилось, когда я получила ангажемент в миланском театре «Ла Скала». Здесь мне предложили стать первой исполнительницей заглавной роли в опере Спироса Самараса «Флора Мирабилло».

ГЛАВА IV

СТРАДАНИЯ И БОЛЕЗНЬ

Я отправилась в Милан со всеми заблуждениями и всеми преимуществами молодости. Сезоны, проведенные в «Комической опере», ничему меня не научили. Казалось, я лишь приобрела известную робость, сковывавшую меня в критические моменты, не давая показать, на что я способна. Несмотря на то что внутри меня пылал огонь, внешне я производила впечатление холодной артистки, не умеющей выразить свои чувства и вызвать отклик у публики.

В тот вечер, когда должен был состояться мой дебют в «Ла Скала», я была охвачена ужасным страхом. Я начала петь фальшиво и совершенно растерялась. Публика зашикала на меня, и поделом! Впоследствии я частенько мысленно благодарила зрителей за это шиканье — ведь оно помогло мне осознать свои недостатки и подтолкнуло к тому, чтобы брать серьезные уроки вокала, которые были мне просто необходимы!

Я вернулась в Париж в унынии, готовая скорее начать шить корсеты, нежели продолжать карьеру певицы. От этой участи меня уберег мсье Югель, известный издатель, познакомивший меня с госпожой Розиной Лаборд. Эта замечательная учительница пения известна столь широко, что мне нет никакой необходимости подробно описывать ее исключительные педагогические таланты и достоинства. Ее добросовестность и терпение были выше всяких похвал, и именно она преподала мне фундаментальные основы нашего искусства.

В тот период, который последовал за моим позорным появлением в Милане, я очень сильно изменилась. Мой голос

значительно разработался благодаря мудрому и опытному руководству госпожи Лаборд. Но, кроме того, установился мой характер, я развилась как личность. В этой связи мне вспоминается ремарка, сказанная госпожой Малибран в адрес Ла Зонтаг в то время, когда прославленные оперные певицы выходили на сцену одного театра. У каждой были свои горячие поклонники, и как-то раз один воздыхатель Малибран, стараясь польстить ей и порадовать, высказался уничижительно о Ла Зонтаг, сказав, что в ней нет ни души, ни артистического темперамента.

— Подождите, она еще узнает жизнь и страдания, — ответила Малибран. — Вас поразит, какие перемены с ней произойдут, Вы увидите их воздействие на ее искусство.

Так случилось, что вскоре после этого разговора Ла Зонтаг пережила большое несчастье. Вернувшись позднее в тот самый театр, где ее критиковали за недостаток чувств, она обрела здесь триумфальный успех. Красивая статуя ожила. Предсказание Малибран оказалось верным.

Мой собственный опыт был во многом похож на ее. Как я уже заметила, во время первых лет своей карьеры я была не способна выразить то, что чувствовала. Я нередко слышала в свой адрес такую же критику, как и Ла Зонтаг в молодости.

Как раз в то время, когда я начала заниматься у госпожи Лаборд, я пережила глубоко печальное событие — первую трагедию моей молодости. Я до сих пор не могу о ней говорить. Достаточно сказать лишь то, что потрясение было столь сильным, что я серьезно заболела. В течение целого года я находилась в глубоком отчаянии, однако молодость и жизнелюбивая натура упорно боролись против болезни и отчаяния, и в итоге с триумфом победили.

Но процесс выздоровления, восстановления сил шел медленно. В течение долгих месяцев, пока я шла на поправку, я много читала и много размышляла о вещах, до той поры не привлекавших моего внимания. Во время испытаний болью и страданиями моя душа изменилась и стала способной на более глубокие чувства, на более сильное

сострадание, более широкое понимание жизни и искусства.

Когда в дальнейшем я вернулась на сцену, то обнаружила, что теперь наконец-то понимаю, как донести свой посыл до публики, как заставить ее почувствовать мою радость или печаль, мое счастье или боль.

ГЛАВА V

ПОСЛЕДНЕЕ ПРИГОТОВЛЕНИЕ

*М*ое здоровье восстановилось, и я возобновила свои уроки у госпожи Лаборд, готовясь к продолжению своей карьеры. Теперь я лучше, чем когда-либо, была готова понять и оценить то, что могла мне дать мой педагог, и мой прогресс был на удивление быстрым.

Госпожа Лаборд имела за плечами долгую и успешную карьеру оперной певицы. Ученица Пьермарини и друг Керубини, она на протяжении многих лет выступала в Италии. Одно время она пела вместе с Патти и Альбони, и совершила вместе с этой великой певицей-контральто несколько продолжительных гастрольных поездок. Тем не менее ее дебют состоялся не в Италии, а в Париже. Впервые она вышла на сцену в «Итальянском театре» в 1840 году. Ей было всего шестнадцать лет, но до своего последнего дня она помнила тот день, когда натерпелась столько страхов, и любила рассказывать нам о нем. Прямо перед ее выходом на сцену ее педагог сказал ей:

— Если тебе не повезет и ты споешь плохо, то близко больше ко мне не подходи! Я буду слушать тебя из первого ряда, перед оркестром.

Бедную девочку так сковал страх, что ее голос сломался на первой же фразе. Взяв себя в руки, как хорошая девочка, она начала петь с начала; и для того, чтобы доказать публике, что петь она умеет, она импровизировала каденции одну за другой, — у нее получилось восемь или десять. Публика, очарованная ее милой непосредственностью, была вне себя от восторга. Ее успех был полным! Даже ее педагог был покорен.

В течение многих лет она пела в составе труппы Парижской Оперы. Затем совершила гастроль по Италии, а по возвращении в Париж основала свою школу пения. К своим ученикам она относилась с поистине феноменальным терпением. Помню, как однажды она заставила меня повторить одну фразу из сцены сумасшествия Офелии восемь раз. Я чуть не расплакалась от нервной усталости и изнеможения, и она позволила мне взять паузу и отдохнуть.

— Дела у нас пойдут на лад, — спокойно произнесла она, когда трудный урок подошел к концу. — Ты достойна быть моей ученицей, поскольку начинаешь учиться терпению!

Я искренне полагаю, что ту фразу я смогу спеть даже на своем смертном одре — так глубоко запечатлелась она у меня в гортани.

Госпожу Лаборд отличали безупречный стиль пения и идеальная дикция. Она не признавала компромиссов, запрещая все *portamento* и плохие атаки. Она меня называла своей самой лучшей, самой благодарной ученицей, и я в ответ питала к ней глубокую привязанность, полную уважения и восхищения. Ни разу ни единая тень не омрачила нашу долгую идеальную дружбу.

В то время, когда я знала ее и общалась с ней, она рассказывала мне множество дивных историй. У меня создалось такое впечатление, что через нее я познакомилась со всеми артистами ее времени. Среди тех, с кем она была знакома, были госпожа Малибран, Ла Паста, Ла Зонтаг, Ла Фреццолини, Гризи, Марио, Тамбурины, Лаблаш. Она описывала нам то, как они пели, как жестикулировали, как двигались на сцене, — все традиции великолепной старой итальянской школы. Она была весьма остроумна, и в запасе у нее имелся нескончаемый поток забавных историй. Рассказчицей она была превосходной. Ее истории обычно начинались так: «Это произошло в 1840 году...».

Она была знакома с матерью Патти, по-видимому, весьма неприятной особой. Однажды эта пылкая дама пела вместе с коллегой, у которой были наклеены искусственные

брови. Тогда была такая мода — сбривать свои брови и наклеивать искусственные под более острым углом, создавая «драматический» образ. Мать Патти, мучимая ревностью и злобой из-за успеха партнерши дочери, устала на нее пристальным взглядом.

— Что случилось? — прошептала эта певица.

— Ваша правая бровь упала! — последовал ответ *sotto voce*¹.

Бедная жертва в испуге оторвала левую бровь и все оставшееся действие провела на сцене с одной правой бровью!

В другой раз эта темпераментная певица, постоянно снедаемая грехом ревности, пришла в раздражение от бурных аплодисментов в адрес Лаблаша, своего партнера по сцене. Она перехватила один из венков, предназначавшихся для него, и, водрузив себе на голову, подошла к рампе.

— Я тоже это заслужила! — воскликнула она публике, онемевшей от удивления.

Кстати о Лаблаше. С ним произошел в высшей степени занимательный случай. Однажды он остановился в отеле, где в одно время с ним снимал апартаменты генерал Мальчик-с-Пальчик², карлик. Мальчик-с-Пальчик был весьма популярен, к нему ходило много гостей. Как-то раз одна дама, искавшая генерала, по ошибке зашла в номер Лаблаша. Перед ней вдруг предстала фигура внушительных размеров — певец был не только высоким, но и корпулентным.

— Я пришла к генералу Мальчику-с-Пальчику... — пробормотала изумленная гостья.

— А это я и есть! — важно ответил великан.

Совершенно озадаченная дама пыталась возражать.

— Но, мсье, мне сказали, что Мальчик-с-Пальчик — это самый маленький человек на свете!

— Ах, да! — ответил Лаблаш. — Это верно — на публике так и есть. А когда я дома, то принимаю удобный для себя размер.

¹ Вполголоса (*итал.*).

² В оригинале — General Tom Thumb, во французском варианте — Tom Pouce (Том Пус). — *Примеч. перев.*

Госпожа Лаборд однажды мне сказала:

— Мое дорогое дитя, внимательно запоминай и записывай то, как я учу. Ты крепка духом, и когда я стану совсем старой, ты, в свою очередь, будешь давать уроки.

— О нет! Ни за что на свете! — воскликнула я. — У меня не хватит терпения!

Тем не менее судьба распорядилась таким образом, что я вернулась в ту самую квартиру, где госпожа Лаборд давала уроки на протяжении более сорока лет и где я сама училась у нее долгое время.

Это случилось как раз после войны — в то время в Париже была ощутимая нехватка жилья. Я сама долго и тщетно искала, где бы мне поселиться. Однажды ночью мне приснился яркий сон, в котором я видела госпожу Лаборд как живую. Она подошла к моей постели и сказала с милой улыбкой — именно так, как она всегда подбадривала меня на уроках:

— Наберись терпения и смелости! И ты еще придешь ко мне!

На следующее утро, поддавшись импульсу, я бросилась в дом, где когда-то жила госпожа Лаборд, и спросила консьержку, есть ли в доме квартиры, которые сдаются. Она заверила меня, что свободных квартир нет, но в то же время сказала, что племянница госпожи Лаборд, находящаяся сейчас в Париже, могла бы сказать мне точнее. Я немедленно отправилась к ней.

— Лили, — сказала я, — вы должны сдать мне квартиру! Вы бываете здесь так редко, вам ведь она не нужна. Вы все время проводите за городом.

— Нет, Кальве, — последовал обескураживающий ответ. — Я вам двадцать раз сказала, что не сдам ее. Хотя я и не часто приезжаю в Париж, но предпочитаю останавливаться в комнатах моей дорогой крестной. И всякий раз я так счастлива вновь очутиться среди ее вещей.

Я рассказала ей свой сон, надеясь смягчить ее сердце, но она прервала меня, сказав, что мы должны повидать ее супруга, который в то время был болен. Как только мы

зашли в комнату, где лежал больной, он поприветствовал меня такими словами:

— Моя дорогая Кальве, мне приснился удивительный сон! Я видел нашу крестную. Она подошла к моей постели и сказала: «Сейчас в наш дом должна прийти Кальве! Она должна прийти прямо сейчас!»

— Когда вы видели этот сон? — спросила я.

— Около трех часов утра, — последовал ответ.

В одну ночь, в один час мы видели один и тот же сон! Мы все были очень поражены случившимся и долго говорили о нашем дорогом покойном друге, вспоминая разные случаи и истории, связанные с этой очаровательной женщиной, которая всем нам была как мать. В конце концов, они сдали мне столь желанную квартиру, и я стала жить и давать уроки в обстановке, столь живо напоминавшей мне дни моей молодости, мои занятия и мечты.

ГЛАВА VI

ТУРНЕ ПО ИТАЛИИ

У госпожи Лаборд я проучилась год и сделала столь значительные успехи в пении, что снова получила ангажемент в Италии. Я появилась на сцене театра «Сан Карло» в Неаполе, где пела Офелию, а моим партнером был Виктор Морель, певший Гамлета. Затем я пела в опере Бизе «Искатели жемчуга» вместе с талантливым тенором Лючия, с которым впоследствии мы пели премьеру оперы Масканы «Друг Фриц».

В Неаполе я пела два года подряд — перед самой забавной публикой, с которой мне только довелось встречаться в своей артистической жизни. Группа любителей оперы, — синьоров, наделенных вкусом и свободным временем, — посещала каждый спектакль. Они громко, во весь голос обсуждали — хвалили или ругали — певцов и певиц, отпускали во время спектакля громкие возгласы, чем немало веселили остальных зрителей.

Как-то раз на вечеринке дома у моих друзей мое внимание привлекла внешность одного гостя.

— Скажите, пожалуйста, кто этот интересный пожилой человек? — спросила я у своих неаполитанских друзей. — Мне кажется, я его где-то видела. Чем он занимается?

— О, он постоянно жертвует деньги «Сан Карло»! — ответили мне с самым серьезным видом, словно такое описание было целиком исчерпывающим. — На самом деле, он является самым старшим членом кружка поклонников оперы. Позвольте мне вас познакомить.

Пожилой синьор оказался весьма занимательным человеком. Он рассказал мне об утомительных обязанностях